

Герман Гессе

Герман Гессе

Кнульп

Демиан

Последнее лето Клингзора

Душа ребенка

Клейн и Вагнер

Сиддхартха

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.112.2-82
ББК 84(4Гем)я44
Г43

Серия «Библиотека классики»

Hermann Hesse
KNULP
DEMIAN
KLINGSORS LETZTER SOMMER
KINDERSEELE
KLEIN UND WAGNER
SIDDHARTHA

Перевод с немецкого С. Апта («Демиян», «Последнее лето Клингзора», «Душа ребенка», «Клейн и Вагнер»),
Н. Федоровой («Кнульп», «Сиддхартха»)

Серийное оформление и компьютерный дизайн В. А. Воронина

Печатается с разрешения издательства Suhrkamp Verlag AG.

Гессе, Герман.

Г43 Кнульп. Демиян. Последнее лето Клингзора. Душа ребенка. Клейн и Вагнер. Сиддхартха : [сборник] / Герман Гессе ; [перевод с немецкого С. Апта, Н. Федоровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 544 с. — (Библиотека классики).

ISBN 978-5-17-136642-1

В этот сборник вошли несколько знаковых произведений, которые оказали огромное влияние на дальнейшее творчество Гессе и сформировали темы будущего *magnum opus* — «Игры в бисер».

В повести «Кнульп» великий мастер рассказывает историю истинного мечтателя и вечного странника. Он человек-загадка без корней и привязанностей; свободная душа, существующая вне установленного порядка вещей.

«Демиян» — философско-мистический, во многом автобиографичный роман о взрослении и становлении юноши, который открывает в себе глубинное, темное «я». В этом ему помогает таинственный друг Демиян — носитель «печати Каина», не то дьявол, не то загадочное божество, не то просто порождение воображения героя.

«Сиддхартха» — жемчужина прозы Гессе, на страницах которой нашли свое отражение впечатления писателя от поездки в Индию, а также его размышления об одной из наиболее глубоких и мудрых религий человечества — буддизме.

В издание также включены философские повести «Последнее лето Клингзора», «Душа ребенка», «Клейн и Вагнер».

УДК 821.112.2-82
ББК 84(4Гем)я44

© Suhrkamp Verlag Berlin, 2001
© Hermann Hesse, 1915, 1919, 1922
© Перевод. С. Апт, наследники, 2021
© Перевод. Н. Федорова, 2019, 2021
© Перевод стихов. Э. Венгерова, 2021
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2023

ISBN 978-5-17-136642-1

СОДЕРЖАНИЕ

КНУЛЬП. *Перевод Н. Федоровой*

Предвешней порою	7
Мое воспоминание о Кнульпе	42
Конец	60
Фрагменты из наследия	
Вечерний разговор	89
Конец Кнульпа	95

ДЕМИАН. *Перевод С. Анта*

1. Два мира	109
2. Каин	126
3. Разбойник	145
4. Беатриче	163
5. Птица выбирается из гнезда	183
6. Борение Иакова	199
7. Госпожа Ева	219
8. Начало конца	242

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО КЛИНГЗОРА. *Перевод С. Анта*

Предисловие	253
Клингзор	255
Луи	262
День Карено	267
Клингзор — Эдит	283
Музыка гибели	285
Вечер в августе	295
Клингзор пишет Луи Жестокому	300

Клингзор посылает стихи своему другу Ту Фу	304
Автопортрет	304
ДУША РЕБЕНКА. Перевод С. Анта	311
КЛЕЙН И ВАГНЕР. Перевод С. Анта	347
СИДДХАРТХА. Перевод Н. Федоровой	
Часть первая	
Сын Брахмана	435
У аскетов	443
Готама	452
Пробуждение	461
Часть вторая	
Камала	465
Среди ребячливых людей	478
Сансара	486
На реке	494
Перевозчик	504
Сын	516
Ом	524
Говинда	530

КНУЛЬП

ПРЕДВЕШНЕЙ ПОРОЮ

Как-то раз в начале девяностых годов нашему другу Кнульпу пришлось несколько недель провести в больнице, вышел он оттуда в середине февраля, погода стояла премерзкая, так что уже за считанные дни пешего странствия у него опять начался озноб и он волей-неволей стал подумывать о пристанище. На нехватку друзей Кнульп пожаловаться не мог и почти в каждом из окрестных городков легко нашел бы гостеприимный кров. Но в этом смысле он был на удивление самолюбив, до такой степени, что, принимая помощь от друга, словно бы оказывал ему большую честь.

На сей раз он вспомнил лехштеттенского кожевника Эмиля Ротфуса и вечером, в дождь и ветер, постучал в уже запертую дверь его дома. Кожевник приоткрыл ставню на верхнем этаже и крикнул в темный переулок:

— Кто там? Что за спешка, неужто до утра нельзя подождать?

Услыхав голос старого друга, Кнульп, невзирая на усталость, мигом взбодрился. А поскольку на память пришел стишок, сложенный много лет назад, когда он целый месяц странствовал за компанию с Эмилем Ротфусом, он сей же час пропел:

Сидит усталый путник
В трактире за столом,
Нетрудно догадаться,
То блудный сын пришел.

Кожевник немедля широко распахнул ставню и высунулся из окна.

— Кнульп! Нешто вправду ты, или мне померещилось?

— Я! — отозвался Кнульп. — Может, все-таки на крыльцо выйдешь? Или так и будем переключаться через окно?

С веселой поспешностью Ротфус спустился вниз, отворил дверь и маленькой коптящей керосиновой лампой осветил пришельцу в лицо, так что тот невольно зажмурился.

— Заходи же скорей! — взволнованно воскликнул кожевник и потянул друга в дом. — Рассказывать будешь потом. Тут кое-что осталось от ужина и постель тоже найдется. Господи, в этакую канальскую погоду! Обувка-то у тебя хотя бы крепкая, а?

Он так и сыпал вопросами и дивился, а Кнульп тем временем подошел к полутемной лестнице, заботливо расправил подшитые тесьмой штанины и уверенно поднялся по ступенькам, хотя не бывал в этом доме уже четыре года. В верхнем коридоре, у дверей горницы, он на миг приостановился и за руку удержал кожевника, который приглашал его войти.

— Слушай, — прошептал он, — ты ведь теперь женат, да?

— Ясное дело, женат.

— То-то и оно... Видишь ли, жена твоя меня не знает и, чего доброго, не обрадуется. А мешать вам я не хочу.

— Да что ты такое говоришь! Мешать! — рассмеялся Ротфус, распахнул дверь и втолкнул Кнульпа с светлую комнату.

Над большим обеденным столом висела на трех цепочках внушительная керосиновая лампа, легкий табачный дымок витал в воздухе, тонкими струйками тянулся к горячему колпаку, вихрем взлетал вверх и исчезал. На столе лежали газета и свиной пузырь, полный курительного табаку, а с узкого диванчика у короткой стены вскочила

молодая хозяйка, с несколько наигранной и смущенной бодростью, будто ее только что разбудили и она не хочет этого показать. На секунду Кнульп как бы в растерянности зажмурился от яркого света, потом посмотрел в ее светло-серые глаза и с учтивым поклоном протянул руку.

— Вот, это она, — смеясь, сказал хозяин. — А это Кнульп, мой друг Кнульп, помнишь, мы о нем говорили. Разумеется, он у нас погостит, ночевать будет на кровати подмастерья. Она ведь пустует. Но перво-наперво мы все выпьем по стаканчику сидра, и Кнульпа надо накормить. У нас есть еще ливерная колбаса, верно?

Хозяйка поспешила вон из комнаты, Кнульп проводил ее взглядом.

— Все ж таки она немножко оробела, — тихо сказал он.

Ротфус, однако, с ним не согласился.

— Детей у вас пока нет? — спросил Кнульп.

Меж тем хозяйка вернулась, принесла на оловянной тарелке колбасу, поставила рядом хлебную досочку, посредине которой аккуратнo, срезом вниз, лежала половина ржаного каравая, а по закругленному краю бежала затеяливая резная надпись: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

— Знаешь, Лиз, о чем Кнульп только что меня спросил?

— Оставь! — запротестовал тот. И с улыбкой обратился к хозяйке: — Ах, сударыня, вы позволите?

Но Ротфус не унимался:

— Он спросил, есть ли у нас дети.

— Ну и что! — засмеялась она и опять убежала.

— Так у вас нет детей? — спросил Кнульп, когда она исчезла.

— Пока нет. Она не торопится, знаешь ли, и в первые годы так даже лучше. Да ты угощайся, приятного тебе аппетита!

Жена меж тем принесла серо-голубой фаянсовый кувшин с сидром, поставила на стол три стакана, наполнила

их. Действовала она ловко, расторопно, и Кнульп, глядя на нее, улыбнулся.

— Твое здоровье, дружище! — вскричал хозяин и потянулся чокнуться с Кнульпом. Но тот галантно воскликнул:

— Прежде дамы. Ваше бесценное здоровье, сударыня! И твое здоровье, старина!

Они чокнулись и выпили, Ротфус, сияя от радости, подмигнул жене: заметила ли она, какие превосходные манеры у его друга. Она же, конечно, давно их заметила и сказала:

— Вот видишь, господин Кнульп учтивее тебя, знает, каков обычай.

— Ну что вы, — сказал гость, — каждый поступает так, как научен. Что же до манер, то вы, право, смущаете меня, сударыня. А до чего красиво вы накрыли на стол, будто в лучшем отеле!

— Ясное дело, — рассмеялся кожевник, — ведь она этому научена.

— Вот как, и где же? Ваш батюшка держит трактир?

— Нет, батюшка мой давно в могиле, я почитаю что и не знала его. Но несколько лет служила подавальщицей в «Быке», коли вам знакомо это заведение.

— В «Быке»? Раньше это был лучший постоялый двор в Лехштеттене, — похвалил Кнульп.

— И сейчас тоже. Верно, Эмиль? У нас проживали почти одни только коммивояжеры да туристы.

— Охотно верю, сударыня. Место, конечно, хоть куда и заработок отличный! Но собственный дом все-таки лучше, верно?

Он не спеша, с наслаждением намазал на хлеб мягкую колбасу, тщательно снятую шкурку положил на край тарелки и временами отпивал глоток доброго золотистого сидра. Хозяин с удовольствием и почтением следил, как аккуратно и легко его тонкие ухоженные руки совершают необходимые движения, да и хозяйка тоже наблюдала с одобрением.

— Однако ж вид у тебя неважнецкий, — немного погодя принялся укорять Кнульпа Эмиль Ротфус, и тот, хочешь не хочешь, признался, что недавно хворал и лежал в больнице. Правда, о тягостных подробностях умолчал. Затем кожевник спросил, чем он теперь думает заняться, и от души предложил стол и кров на любой срок; Кнульп как раз этого и ожидал, как раз на это и рассчитывал, но словно бы стушевался, ушел от ответа, вскользь поблагодарил и отложил обсуждение этих дел на завтра.

— Об этом не поздно потолковать завтра или послезавтра, — как бы между прочим обронил он, — время, слава богу, терпит, во всяком случае, я побуду здесь еще немного.

Не любил Кнульп строить планы и давать обещания на долгий срок. И если свободно не располагал грядущим днем, то чувствовал себя не в своей тарелке.

— Коли я в самом деле задержусь на некоторое время, — помолчав, сказал он, — тебе надобно записать меня своим подмастерьем.

— Да ну тебя! — рассмеялся хозяин. — Ты — у меня в подмастерьях! Вдобавок ты ведь не кожевник.

— И что с того, неужели непонятно? Кожевенное дело меня совершенно не интересует, оно конечно, ремесло замечательное, но к работе у меня таланта нет. А вот моему дорожному паспорту будет польза, знаешь ли. Уж тогда я получу пособие по болезни.

— Можно на него поглядеть, на твой паспорт?

Кнульп слезил в нагрудный карман своего почти нового костюма и достал сей документ, который хранил в аккуратном клеенчатом футляре.

Кожевник осмотрел его и рассмеялся:

— Безупречно, как всегда! Ты будто только вчера утром уехал от маменьки.

Потом, изучив записи и печати, он с глубоким восхищением покачал головой:

— Да-а, вот порядок так порядок! Все у тебя должно быть в ажуре, иначе никак.

Надо сказать, Кнульп неукоснительно пекся о том, чтобы паспорт был в полном порядке. В своей безупречности сей документ являл собою прелестную фикцию или вымысел, и официально заверенные записи знаменовали сплошь славные вехи достойной и дельной жизни, в коей привлекала внимание лишь страсть к скитаниям — в форме весьма частой перемены мест. Засвидетельствованную в этом официальном паспорте жизнь Кнульп себе придумал и сотнями ухищрений продолжал вести это мнимое существование, нередко под угрозой разоблачения, ведь на самом деле он хотя и совершал не так чтобы много недозволенного, но был безработным бродягой, и жизнь его иначе как незаконной и презренной не назовешь. Конечно, вряд ли ему удалось бы столь успешно продолжать свою милую выдумку, не будь поголовно все жандармы настроены к нему благожелательно. По возможности, они оставляли в покое веселого, незаурядного человека, чье духовное превосходство, а порой и серьезность внушали им уважение. Приводов Кнульп почти не имел, в воровстве и попрошайничестве уличен не был, да и почтенных друзей у него повсюду хватало; вот его и пропускали, не трогали, примерно так позволяют жить в доме красивой кошке: всяк полагает, что снисходительно терпит ее, а она меж тем, не ведая забот, живет себе среди прилежных и озабоченных людей беспечно-светской, роскошно-барской и праздной жизнью.

— Не заявись я, вы бы, верно, давно десятый сон видели, — воскликнул Кнульп, забирая свои бумаги. Встал и вежливо поклонился хозяйке. — Идем, Ротфус, покажешь мне мою кровать.

Хозяин со свечою проводил его по узкой лестнице наверх, в мансарду, в комнатку подмастерья. Там у стены стояла пустая железная кровать, а рядом — деревянная, с матрасом и всем прочим.

— Грелку хочешь? — отечески спросил хозяин.

— Этого еще недоставало! — рассмеялся Кнульп. — Тебе, сударь мой, она, ясное дело, ни к чему, женушка-то у тебя вон какая прелестная.

— Я тебе так скажу, — с жаром отвечал Ротфус, — вот сейчас ты ляжешь в холодную постель подмастерья, в мансарде, порой ночуешь и в еще худшей, а иной раз вовсе никакой не имеешь, поневоле спишь в сене. А вот у нашего брата и дом есть, и дело, и милая женушка. Знаешь, если б захотел, ты давно бы мог стать мастером.

Кнульп тем временем поспешно разделся и, зябко поживаясь, улегся в холодную постель.

— Будешь продолжать? — спросил он. — Мне тут удобно, могу послушать.

— Я серьезно, Кнульп.

— Я тоже, Ротфус. Только не воображай, будто женьтиба — твое изобретение. Стало быть, покойной ночи!

На следующий день Кнульп вставать не стал. Он еще испытывал некоторую слабость, и в такую погоду вряд ли бы вышел из дому. Кожевника, который утром заглянул к нему, он попросил не тревожиться, оставить его в покое и только в обед принести наверх тарелку супа.

Так он целый день тихонько и уболаготворенно лежал в сумеречной мансардной комнатке, чувствовал, как уходят озноб и дорожные тяготы, и с удовольствием предавался отрадному ощущению теплой защищенности. Слушал усердный стук дождя по крыше и ветер, который, предвещая оттепель, неугомонно и мягко налетал капризными порывами. Порой он на полчаса засыпал либо, пока было достаточно светло, читал что-нибудь из своей походной библиотеки; состояла она из листков, на которые он переписал себе кой-какие стихи и афоризмы, и небольшой пачки газетных вырезок. Было там и несколько картинок, их он тоже нашел в еженедельниках и вырезал. Двум из них он отдавал особое предпочтение, и оттого, что часто

их доставал, выглядели они уже ветхими и потрепанными. Одна изображала актрису Элеонору Дузе*, вторая — парусный корабль в открытом штормовом море. С отроческих лет Кнульп питал огромное пристрастие к Северу и к морю, не раз намеревался там побывать и однажды дошел аж до брауншвейгских земель. Но его, перелетную птицу, что вечно странствовала и нигде не могла задержаться надолго, диковинная боязливость и любовь к родимым местам вновь и вновь быстрыми переходами гнали обратно, на юг Германии. Возможно, вдобавок он терял беспечность, очутившись в краях чужого говора и чужих обычаев, где никто его не знал и где ему было трудно содержать в порядке свой легендарный дорожный паспорт.

В полуденный час кожевник принес ему суп и хлеб. Вошел на цыпочках и говорил испуганным шепотом, поскольку считал Кнульпа больным, сам-то со времен детских хворей никогда среди бела дня в постели не разлеживался. Кнульп чувствовал себя превосходно, однако не дал себе труда что-либо объяснять, только заверил, что завтра будет здоровехонек и встанет.

Ближе к вечеру в дверь комнатки постучали, а поскольку Кнульп задремал и не ответил, хозяйка тихонько вошла и вместо пустой суповой тарелки поставила на скамеечку у кровати чашку кофе с молоком.

Кнульп, разумеется, слышал, как она вошла, но то ли от усталости, то ли по капризу так и лежал с закрытыми глазами, ничем не показывая, что не спит. С пустой тарелкой в руке хозяйка взглянула на спящего, который подложил под голову локоть, прикрытый клетчатой голубой рубашкой. Ей бросилась в глаза шелковистость темных волос и почти детская красота беззаботного лица, и она на миг задержалась, разглядывая пригожего парня, о котором мастер рассказывал ей столько удивительных

---

* Дузе Элеонора (1858–1924) — знаменитая итальянская драматическая актриса.

историй. Смотрела на густые брови над закрытыми глазами, на нежный светлый лоб и худые, однако загорелые щеки, на изящный румяный рот и стройную шею, и все это пришлось ей по душе, и она припомнила времена, когда служила подавальщицей в «Быке» и по вешней прихоти иной раз принимала ухаживания какого-нибудь пригожего чужого парня.

Мечтательно и в легком волнении хозяйка наклонилась немного вперед, чтобы увидеть все лицо, и тут вдруг оловянная ложка, соскользнув с тарелки, упала на пол, что в тишине и подспудной неловкости обстоятельств сильно напугало бедняжку.

Вот теперь Кнульп открыл глаза, медленно и как бы ни о чем не подозревая, словно крепко спал. Повернул голову, на миг заслонил глаза рукой и с улыбкой сказал:

— Ах, это вы, сударыня! Кофею мне принесли! Добрый горячий кофе — он-то мне аккурат и снился. Большое спасибо, госпожа Ротфус! Кстати, который час?

— Четыре, — быстро ответила она. — Пейте кофе, пока не остыл, а я потом заберу чашку.

С этими словами она поспешила вон, будто ее ожидали неотложные дела. Кнульп проводил ее взглядом, прислушался к торопливым шагам вниз по ступенькам. С задумчивым видом несколько раз покачал головой, потом тихонько по-птичь присвистнул и занялся кофеем.

Через час после наступления темноты ему, однако, стало скучно, он превосходно отдохнул, чувствовал себя хорошо, и его вновь потянуло немножко побыть среди людей. Он не спеша встал и оделся, бесшумно, словно куница, сбежал в потемках вниз по лестнице и незаметно выскользнул из дома. По-прежнему дувал юго-западный ветер, сильный и сырой, но дождь кончился, и в небе виднелись большие ясные просветы.

С любопытством разведчика Кнульп прошелся по вечерним улицам и опустевшей Рыночной площади, потом остановился в открытых дверях кузницы, посмо-

трел, как ученики прибирают мастерскую, завел разговор с подмастерьями, согрел озябшие руки над остывающим темно-красным горном. Первым делом он осведомился о кой-каких знакомых в городе, расспросил о смертях и свадьбах, причем кузнец счел его своим коллегой, ведь он владел языками и опознавательными знаками всех ремесел.

Тем временем госпожа Ротфус готовила вечерний суп, гремела чугунными конфорками на маленькой плите да чистила картошку, а когда покончила со всем этим и суп уже стоял на медленном огне, взяла кухонную лампу, прошла в горницу и стала перед зеркалом. В зеркале она увидела, что искала: полное розовощекое лицо с голубовато-серыми глазами, а прическу, которая, на ее взгляд, нуждалась в улучшении, она ловкими пальцами быстро привела в порядок. Затем она еще раз обсушила фартуком свежeweымытые руки, взяла лампу и быстро поднялась в мансарду.

Тихонько постучав в дверь комнатки подмастерья, один раз и другой, и не получив ответа, она поставила лампу на пол и обеими руками осторожно, без скрипа, приоткрыла дверь. На цыпочках вошла, сделала шаг и нащупала стул подле кровати.

— Вы спите? — спросила она вполголоса. И еще раз: — Вы спите? Я только хотела забрать посуду.

Поскольку все осталось тихо-спокойно и даже дыхания не было слышно, она потянулась рукой к постели, но тотчас же с испугом отдернула ее и побежала за лампой. А когда обнаружила, что комнатка пуста, кровать тщательно застелена, даже подушка и перина безупречно взбиты, то растерянно, испытывая разом и страх, и разочарование, вернулась к себе на кухню.

Полчаса спустя, когда был накрыт стол и кожевник пришел ужинать, хозяйка уже подумывала рассказать мужу о своем визите в мансарду, но никак не могла собраться с духом. Тут дверь внизу отворилась, легкие шаги